

— Еще метров сто одолеть, — сказал Степан Корнейч, — и все!.. Однако нечего достанутся, самая быстрина... Алексей не успел ответить — где-то в воде лязгнуло. Тут же заглух мотор на головном катере, его развернуло вперек течения и понесло вниз вместе с баржей... Катер Василия вырвался вперед, чтобы взять баржу на буксир... и это время...

— Это уже потом все — и бывшие на борту Алексей, Степан Корнейч, и Варья, и Василий с Сеней, — вспоминала и ерекляясь, установили, что головной катер, оставшийся без винта, срезанного даром о подводный камень, развернуло и понесло вниз, ударило, видимо, о тот же камень, положило набок и потянуло на дно. Гриша успел выбраться из катера, а Роман остался в затопленной рубке...

Но это уже потом... А в момент аварии Алексей видел только красную рубку Романа в опрокинувшейся рубке, а потом и ее не стало видно...

Мелькнуло было трусливая мысль: «Хорошо, что остался на барже...» Но тут же, как бы в ответ на нее, скинул сапоги и кинулся в воду...

В несколько взмахов догнал катер, открыл дверцу чуть выступавшей из воды рубки... Романа — живого или мертвого — прижало к ней, и вода вытолкнула его наверх. Выволок его, стараясь держать голову над водой... и тут Митрич подогнал лодку...

Пока Варья, взяв в помощники Гришу, приводила в чувство Романа, Василий забуксировал баржу и отвел к берегу, где на якорях стояла двухсотка с дизелями.

Варья вынесла свою постель и разостала на палубе. Роман лежал на пине, уставясь прямо перед собой нервнично серьезными глазами.

Все столпились вокруг него. Василий, отведя Варью в сторону, опытовался, как состояние Романа. Шел, плюнуть на баржу и отвезти его в ближайшее село, где есть больница?

— Ты уж не скрывай, скажи прямо...

— Не горячись, друг! Сам видишь, мало я смыслю в вашем деле. А разобратся надо. Надо что-то делать. — Я тебе скажу, что надо делать. Спуститесь до села, Романа в больницу сдать. Это наперво. На стройку теплеграмму отбить. Пускай соображают, как доставить груз посуху. Здесь только до новой весны большой воды не будет.

— Куда там посуху... — вздохнул Степан Корнейч. — Не знаешь ты, Василий, здешних мест. Не то что дороги, тропы путной нет. Горы, тайга...

Алексей перебил его: — Где можно достать второй катер? — Только что из Якутска вызвать... Без пользы.

— Почему? — Трое, а то четверо суток. Вода вообще уйдет.

Нет, именно потому, что они хорошо, слишком хорошо все знают, они не могут даже мысли допустить, что можно найти выход.

Ну что ж!.. Он тоже теперь знает, почти все, что надо было узнать. Но у него нет этого парализующего, вызванного страхом и вековечным опытом отцов и дедов почтения к этим проклятым порогам.

Пусть то, что он задумал, бессмысленно, дико, но лучшего ему никто не предложит и не предложит. Эх, черт побери! Чудеса не бывает, но если бы нелегкая занесла сюда еще чай-нибудь катер. Всего один катер!..

Но пока — решить первую задачу. Встал и распорядился по-деловому, сухо:

— Подумайте, как обойтись одним катером. Или чем его заменить. А камень мы уберем.

Давая обещание убрать камень, Алексей вовсе не был уверен, что он его выполнит. Он знал, что на вторую баржу погружено несколько ящиков взрывчатки. Но не был уверен, есть ли там капсулы-детонаторы. И заверил так категорично лишь для того, чтобы рас-

под ноги, чтобы не оступиться.

Митрич догнал его:

— Давай подсоблю!

— Иди к лодке. Постели чего-нибудь в корму.

По дороге присел отдохнуть. Надо было сберечь силы. Но когда встал и снова взялся за ящик, шевельнулась дуоная, сейчас вовсе ничемная мысль: «Однако накаркала Варья... Она, как ведьма, все наперед чует!..»

Опустил ящик, снова уселся на камень.

Закоротил, однако, шнур... Не успеешь отплыть, достанет... Как тогда, в танке...

И мгновенно пробило в памяти: солнечный весенний день... голубая лента канала со строгими бетонными берегами... Он своим танком буксировал плашкоут с ранеными. Выводил из-под обстрела. Не успел... И получил последнюю за время войны контузию...

Снова все события того печально памятного утра промелькнули, сменяя друг друга и вдруг, как искра от удара, высеклась мысль.

Не с кем было тут, вот сейчас, поделиться. Хотелось кричать от радости! Ну до чего же просто!.. Буксировал танком!.. На барже два трактора. Он помнит, их не краном грузили. Они самоходом поднялись на баржу. Они на ходу!..

Нет, не зря он решился убрать камень!

Он схватил ящик и едва не бегом устремился к лодке.

Митричу растолковал все подробно: вести лодку прямо на камень. Когда до него останется восемь-десять метров, затабивая, притормозить лодку, чтобы Алексей с ящиком успел сойти в воду, зажечь конец шнура, и как можно быстрее, не дожидаясь его, угонять лодку вниз по течению.

Закончил Алексей вопросом: — Спички есть?

Митрич показал коробок.

— Возьми второй. Положи в другой карман. Зажигают так: две спички при-

неловко изогнувшись в тесноте. Митрич прижался ухом к груди. И не мог разобрать: не кровь бьет в голову, не то с живое сердце Алексея... Увздраживает жилка на запястье откинутой руки, и уверился: жерея на баржу...

Кинулся к веслам. Но катер гонял уносимую течением под

Варья неотрывно следила с той минуты, как он с баржи с опасным ящиком в Видела, как он донес ящик его в корму лодки, как разделегу и остался в одних белых издала заметных на загорелом... Когда он выбросился в щиллся, ухватившись за корм казалась, что он тонет и не мнялся обратно в лодку. Когда рич угнал лодку и оставил е Варья едва не закричала... ла, какими отчаянными взмахивал он неверного товарища догнать...

Потом взметнулся кипящий. Вместе с глухим ударом взрнула палуба под ногами... но не ушел сильными взмахивавшей его смерти... Смерть его...

Когда он уходил с ящиком она уже все знала, а он поспоней... А сейчас ей привезут Варья с ужасом почувствовала несколько мгновений ожидания — и она захочет навзрыд над глупой, обману Варькой...

Ты же решила уйти от негала!.. И кичилась перед собой шимостью!.. Не успела... Он от тебя...

— Сам ушел... сам ушел... ла она и не слышала, как она за одной катятся слезы... И когда ей крикнули с он жив, она в первую минуту ла этому поверить...

художники не усомнились в человеке, не оскорбили его мизерным взглядом, и люди в их картине выступают во плоть, хотя там есть и прекрасное, и плохое.

А битва идет, интереснейшая, великоколенная битва, и я, пока жизнь позволяет мне еще дышать и работать, наслаждаюсь тем, что могу в ней занять место бойца.

За что мы бьемся? Как можно ответить на этот вопрос в самом коротком декларативном изложении? Прежде всего за устройство мира на лучшей и разумной основе, которую пусть не мы с вами изобрели, но которую нам надлежит совершенствовать и проводить в жизнь. И главнейшая для советского художника задача — переделка человеческих душ и характеров. Надо выдавить из человека капля по капле прежде всего собственника, а также подхалима, делягу, вора и им подобных, помочь человеку «...выдавливает из себя по каплям раба...», как говорил Чехов.

Для обывателя мир вещей замкнут в себе, а думы и помыслы людские скрыты в глубинах сознания. Художник открывает мир, но он открывает его не как взломщик, иначе мир разрушится перед его глазами, не как любопытный младенец, который расковыривает улитку, когда хочет доискаться до рожок, и вдруг она оказывается в его руках грязной слякотью, — мир открывается художнику и человеку, любящему все живое в этом мире. Только влюбленному открывается любимая — равнодушному не открывается ничто и никогда. Только любящему открывается мир! Таким и должен быть взгляд художника на жизнь...

Творчество Сергея Герасимова все время обращено к молодежи. О путях и судьбах молодых размышляет он в своих фильмах, им отдает свой огромный талант педагога в киноинституте. И я задаю вопрос: как, на взгляд Герасимова, откликаются на эту тему другие мастера кинематографа, все ли возможности здесь используются?

— Молодежь наша дифферентна, — отвечает Сергей Апполинариевич. — Встречаются могучие интеллекты и среди рабочих, и среди художников. Наряду с этим немало людей аморфных. Необходимо расширение сферы приложения таланта художника. Молодых теперь не могут удовлетворить мелкие, незначительные проблемы, которые, собственно, и проблемами-то в истинном значении слова не являются.

Главная моя претензия: в картинах, как правило, отражаются только поступки. Размышления «о времени и о себе», нравственный облик человека остаются вне внимания художника. Не умеем мы еще по-настоящему показывать движение жизни.

Герасимов на мгновение смолкает, словно ищет примеры, которыми можно подтвердить эти слова. Затем продолжает:

— Мало, очень мало хороших картин, которые отвечали бы этим требованиям. Вот разве «Лебедев против Лебедева». Здесь есть кое-что. Или фильм Ф. Довлатяна «Здравствуй, это я!». Я бы даже поставил его на первое место. Можно отнести к произведениям нравственного характера, раскрывающим психологию современника, и комедию Э. Рязанова «Берегись авто-

мобиля», и выполненную А. Кончаловским экранизацию известной повести Чингиза Айтматова «Первый учитель», а также «Крылья» А. Шепитько и некоторые другие.

В нашу жизнь вошло множество новых факторов — наука, технический прогресс, освоение космоса. Информатизация расширялась, как говорится, во много крат. И круг представлений человека об окружающем мире в связи с этим стал неизмеримо шире. Вот это всегда и должен иметь в виду художник, когда беретая за создание того или иного произведения для молодежи...

Вдали показались павильоны Выставки достижений народного хозяйства. Машина обогнула зеленые массивы скверов и свернула к зданию студии имени Горького. Наша беседа продолжается теперь в небольшой комнате руководителя Второго творческого объединения. Продолжается в коротких и редкие минуты безлюдья.

— Сергей Апполинариевич, — задаю вопрос, который не могу не задать, — что вас лично волнует, о каких фильмах мечтаете вы?

Чуть помедлив, Герасимов ответил:

— Я хочу попытаться проникнуть в сознание двадцатипятилетних. Это как раз тот возраст, когда формируется сознание. Мне хочется показать, как молодые думают о своем веке, что считают дурным, что хорошим, на чем делают осечки. Об этом как раз и должна рассказать картина «Журналист», на съемках которой мы с вами встретились.

— Вы снимаете фильм по своему сценарию?

— Да. Как почти и все свои филь-

мы. И, как всегда, мне хотелось показать людей, самых различных людей в самых различных жизненных переплетах.

— И когда примерно фильм придет к зрителю?

— Предполагаем закончить съемки где-то в сентябре. Сегодня был снят последний кадр первой части, действие которой разворачивается в нашей стране. Сняты также финальные сцены. Теперь предстоит большая работа в Женеве и Париже. Здесь в фильм включатся французские и американские актеры.

Комната снова заполняется людьми — режиссерами, операторами, актерами. Герасимов приглашает в просмотровый зал. На экране — первые кадры отснятого и начерно смонтированного «Журналиста». Небольшой уральский город, куда послан корреспондент центральной газеты, чтобы разобраться с кучей клеузных писем некоей Аникиной. Кто она, эта женщина? Честный, но несчастный человек? Или склочница, порочащая людей?

С героем происходят самые неожиданные вещи, здесь, как говорится, на 180 градусов поворачивается вся его жизнь. Что же с ним произошло? Каким он стал в результате общения с новыми людьми? На эти и на многие другие вопросы ответит нам новый фильм Сергея Герасимова. Но сейчас говорить о нем подробнее преждевременно, пусть зритель сам порадуется открытиям, сделанным в нем. И если, просмотрев его, задумается молодой человек о смысле жизни — а мне кажется, задумается непременно, — это будет лучшей наградой художнику.

Вел интервью А. ВАЛЬКОВ